

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Рощина О.С. «Воображаясь героиней...»: романский дискурс в мемуарах А. Е. Лабзиной // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71168 EDN: OTIKEG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71168

«Воображаясь героиней...»: романский дискурс в мемуарах А. Е. Лабзиной

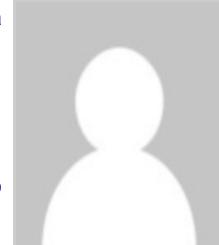
Рощина Ольга Сергеевна

ORCID: 0000-0001-9534-4436

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Новосибирский государственный педагогический университет"

630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

✉ roschina67@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71168

EDN:

OTIKEG

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2024

Аннотация: Целью работы является исследование нарративного дискурса в мемуарах А. Е. Лабзиной. Говоря о воспоминаниях Лабзиной, исследователи отмечают совершенно разные особенности их архитектоники. А. Вачева, сосредотачивая внимание на изображенной героине, полагает, что мемуаристка ориентируется прежде всего на агиографический дискурс. Ю. М. Лотман, обращая внимание на пишущего автора и его способы текстопорождения, фиксирует сделанность мемуаров Лабзиной по законам художественного творчества. Что, по мнению автора статьи, обусловлено стилизацией уже не агиографического, а романного дискурса, который в мемуарах Лабзиной контаминируется с житийным. Предметом исследования в статье является «романский» пласт дискурса мемуаров Лабзиной, а именно выявление его претекста среди сентиментальных романов и механизмов транспонирования элементов поэтики художественного текста в мемуарное повествование. На основе анализа основных черт

поэтики популярных западно-европейских сентиментальных романов в сравнении с повторяющимися сюжетными ситуациями, стилистикой и способами презентации автогероини в воспоминаниях Лабзиной делается вывод о том, что претекстом мемуаров является роман С. Ричардсона «Памела или вознагражденная добродетель». Новизна работы заключается в выявлении и исследовании романного дискурса в автобиографическом нарративе Лабзиной. Имитация поэтики первого романа Ричардсона обуславливается тем, что его дискурс с многократным описанием сюжетной ситуации искушения добродетели и презентацией героини как невинной, кроткой и набожной, которую все окружающие неизменно любят, наилучшим образом оказывается способным сочетаться с агиографическим. Однако в тексте мемуаров обнаруживаются несовпадения характера и поступков реальной автогероини с идеальной заданностью романного образа. Она способна проявлять своеволие, стремится управлять мужем с помощью его непосредственных начальников, ее непросвещенность в вопросах пола в общении с другими мужчинами вызывает сомнения. Несовпадения автогероини с заданной литературной моделью порождают еще одну версию причин неоконченности ее мемуаров в силу все большей сложности соединения этих нестыкующихся элементов. Анализ нарративного дискурса мемуаров Лабзиной позволяет выявить один из векторов в процессе беллетризации автобиографического повествования в литературном процессе русской литературы второй половины XVIII – начала XIX века – самоотождествление автора мемуаров с литературным героем и стилизацию романного дискурса.

Ключевые слова:

мемуары, Лабзина, самопрезентация, автогероиня, нарративный дискурс, претекст, Ричардсон, стилизация, сюжетная ситуация, сентиментализм

Свои воспоминания Анна Евдокимовна Лабзина (1758–1828) начинает писать в 1810 году в возрасте пятидесяти двух лет. Мемуары начинаются словами «Опишу всю мою жизнь, сколько могу вспомнить» [\[4, с. 11\]](#). Однако они прерываются на полуфразе, и Лабзина успевает описать жизнь от детства до двадцати с лишним лет (точные датировки в тексте отсутствуют), т.е. примерно до середины своего первого замужества за российским естествоиспытателем Александром Матвеевичем Карамышевым.

Целью работы является исследование особенностей нарративного дискурса мемуаров Лабзиной. По определению В.И. Тюпы, нарративный дискурс (нарратив) – это коммуникативное событие взаимодействия сознаний, порождаемое речевым актом рассказывания и отличающееся от дискурсов перформативных, итеративных или медитативных тем, что репрезентирует некоторую историю, состоящую по крайней мере из одного события [\[13, с. 147\]](#).

Говоря о воспоминаниях Лабзиной, исследователи отмечают совершенно разные особенности их архитектоники. А. Вачева, сосредотачивая внимание на изображенной героине, полагает, что «мемуары Лабзиной представляют интерес своей интроспекцией, стремлением повествовательницы показать изменения собственной личности, сохранившей, несмотря на все испытания, воспитанные в ней с детства нравственные основы. <...> Они своего рода автожитие, рассказывающее о духовном подвиге во имя Бога» [\[1, с. 146\]](#). Однако Ю. М. Лотман, обращая внимание на пишущего автора, фиксирует иную природу текстопорождения: «создательница мемуаров стилизует себя

самое в святую, а мужа своего – в слабого душой грешника. <...> Она как бы ставит перед читателем спектакль своей жизни, властно распределяя между актерами жесты и монологи. Обилие прямой речи бросается в глаза (причем все упоминаемые ею люди говорят одним и тем же – ее собственным – языком)» [6 с. 299-302]. На наш взгляд, такой способ повествования и фокус внимания обусловлен стилизацией уже не агиографического, а романного дискурса.

Лабзина, описывая свое пребывание в доме Херасковых с 14 до 15 лет упоминает, что «еще не имела случая читать романов, да и не слыхала имени сего» [4, с. 48], и даже думала, что это имя человека, которого она никогда у Херасковых не видела. Неизвестно, с какими именно образцами жанра у нее был случай познакомиться впоследствии, но описание событий, стилистика, способы презентации автогероини очевидным образом схожи с романом С. Ричардсона «Памела, или вознагражденная добродетель», переводы которого на русский язык выходили в 1787 и 1796 годах. На наш взгляд, именно этот роман является претекстом «романного» пласта дискурса мемуаров Лабзиной.

Прежде всего, невозможно не заметить сходство основной сюжетной ситуации искушения добродетели в романе Ричардсона [9] и жизненной ситуации в мемуарах Лабзиной. И в романе, и в мемуарах описания случаев искушения добродетели героинь многократно повторяются. У Ричардсона это покушения господина Б. на честь незамужней юной Памелы, у Лабзиной – предложения мужа завести ей любовника для удовольствия или рождения ребенка и даже угрозы по поводу неисполнения этого требования. Отметим, что в романе Ричардсона «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлоу» основные сюжетные ситуации несколько иные: поначалу Ловелас не впрямую покушается на честь героини и неоднократно вольно или невольно предлагает ей замужество, а в конце применяет насилие [10].

В некоторых местах описаний в мемуарах Лабзиной агиографический и романный дискурсы накладываются друг на друга в общем семантическом поле: родители как Памелы, так и Лабзиной описываются как исключительно благочестивые и набожные, в сложных ситуациях обе неизменно уповают на Бога, если им предоставляется возможность, занимаются благотворительностью. Помимо искушения добродетели героини проходят и другие испытания, демонстрируя добродетель смирения: Памела кратко принимает напрасные ругательства и брань своего господина в первой части романа, а героиня Лабзиной смиленно сносит пристрастия мужа к распутным девкам и картам.

Лабзина, как и Памела, постоянно говорит о всеобщем благорасположении к ней абсолютного большинства окружающих. Каждый раз, описывая новое пространство и людей в нем, она не упускает случая сказать о том, как все ее любят, о чем в разговорах с ней упоминают еще и муж, и племянник Хераскова, и сам Херасков, и губернатор Иркутска. В этой связи она не забывает упомянуть и внимание известных особ (князя Потемкина и княгини Вяземской) и то, что она принята при дворе, и даже сама императрица распоряжается, чтоб «стол и фрукты у них были» [4, с. 66].

Е. Е. Приказчикова отмечает, что для Лабзиной «средством самоидентификации становится слово “ангел”» [8, с. 200]. Стоит добавить, что окружающие постоянно называют ее еще другом, неоцененной, любезной, милой, кроткой, что вполне соответствует общесентименталистскому лексикону. При этом автогероиня Лабзиной еще несколько раз соотносит себя с принцессой. Существенно, что все эти номинации

используются у Ричардсона для презентации Памелы [\[9\]](#), в то время как в отношении Клариссы употребляются еще и другие маркеры – богиня, благородная душа, гордая [\[10\]](#), которых в тексте Лабзиной не находится.

А. Вачева и Е. Е. Приказчикова отмечают, что хотя Карамышев изображается «носителем темной силы в человеке, нечестивым искусствителем, постоянно испытывающим <...> христианские устои супруги», тем не менее мемуаристка «не отказывает ему в достоинствах, объясняя его пороки слабостью его природы» [\[1, с. 151\]](#). В частности, Лабзина говорит, что Карамышев способен делиться последним с бедными; описывает, что он искренне переживает, когда она больна горячкою; доставляет ей удовольствие, за ночь устраивая сад перед новым домом; работая на Нерчинских рудниках, неизменно заботится о каторжниках [\[1, с. 151; 8, с. 201\]](#). Схожим образом изображается у Ричардсона и господин Б., который несмотря на покушения на невинность Памелы и похищение все же любит ее и в конечном итоге решается на брак [\[9\]](#).

Сам способ повествования Лабзиной схож с сентиментальным эпистолярным романом, где повествование соседствует с большим количеством пересказанных диалогов, в которых смысловым завершением всегда остается мнение автора письма. Однако если в первом романе Ричардсона продуцируется единая точка зрения в сознаниях Памелы, ее родителей и любящей Памелу прислуги [\[9\]](#), то во втором романе Кларисса и Анна, а также Ловелас и Белфорд не всегда сходятся во мнениях по разным вопросам [\[10\]](#). В воспоминаниях Лабзиной, как и в первом романе Ричардсона, все родственники и благодетели говорят одним языком – отец, мать, няня, тетушка, свекровь, племянник Хераскова, сам Херасков и губернатор Иркутска, которые в схожих выражениях и мыслях наставляют героиню в христианских добродетелях – смирении, терпении, непрекословии мужу, незлоречии, т.е. сокрытии от окружающих дурных поступков мужа. Так что даже если Лабзина и читала роман о Клариссе, перевод которого на русский язык вышел в 1792 году, она не использует его модель для своих воспоминаний, так же, как не использует сюжеты и поэтику «Юлии, или новой Элоизы» Руссо или романов мадам де Сталь о Дельфине и Коринне. На наш взгляд, это обусловлено тем, что сюжетные ситуации, характер и дискурс героини первого сентиментального романа, которым, по общему мнению, считается «Памела, или вознагражденная добродетель», в большей степени оказываются валентны агиографической модели повествования, которую Лабзина также использует для самопрезентации.

Многие люди в описании Лабзиной демонстрируют характерную сентименталистскую чувствительность: в тексте 51 раз встречаются словоформы глагола «плакать» в мужском или женском роде и 78 раз словоформы слова «слезы». В сентиментальных романах вообще, и в романах Ричардсона в частности, плачут, как правило, только герои, способные к подлинным душевным переживаниям, и которые тем самым демонстрируют сугубо положительные черты. И в мемуарах Лабзиной способность к слезоизлиянию присуща только ей самой и другим хорошим в ее описании людям, и даже временами мужу. Как Памела во время сильных душевных переживаний физически слабеет и находится на грани потери чувств, так и Лабзина описывает, как она занемогла после смерти матери, отъезда Херасковых в Москву и одного из предложений мужа завести любовника. Выражение глубины и остроты переживаний героев через физическую слабость и недуги также стало общим местом сентиментального романа, как и пролитие слез. Как отмечает Н. Д. Кочеткова, в сентиментализме «истинная чувствительность, неумело изображенная, тоже легко рисковала превратиться в ложную, поскольку в описаниях чувствительных сцен или характеров скоро появились

определенные стереотипы, штампы, включая знаменитые сентиментальные слезы и вздохи» [\[3, с. 255\]](#).

Е. Е. Приказчикова отмечает, что в воспоминаниях Лабзиной «“правда мемуарного факта” позволяет подкорректировать образ самой мемуаристки. Кроткая, несчастная, ангельски беззащитная в соответствии с “идеальной” заданностью своего характера, она часто допускает в тексте записок “проговорки”, благодаря которым становится очевидным, что она «хорошо разбирается в денежных расчетах и обладает решительным и твердым “уральским” характером» [\[8, с. 202\]](#). Добавим, что таких несоответствий еще достаточно много.

С одной стороны, декларируется, что Лабзина, следуя идеальному романному образу кроткой героини, всегда согласуется с чьей-то волей – матери, свекрови, мужа, наставников. С другой стороны, становится очевидным, что муж и свекровь предоставляют ей полную свободу действий, пользуясь которой героиня может заниматься, чем пожелает (читать, брать уроки рисования, гулять, наносить визиты, принимать гостей у себя), и даже проявлять своеволие, о чем свидетельствует обманный приезд на праздник в Петергоф вопреки запрету мужа и вовлечение в обманное оправдание старика Голынского и свекрови. При случае Лабзина, обращаясь к влиятельным людям, старается регулировать жизнь мужа в соответствии со своими интересами: просит окружение князя Потемкина задержать его (а вместе с ним и ее саму) подольше в Царском селе «под видом тем, что мне здесь очень весело, и для воздуху, а в самом-то деле чтоб отвести его от ненавистной мне и вредной для него компании» [\[4, с. 73\]](#). Узнав, что муж с девками поехал на Каменный остров в бани, сообщает об этом президенту берг-коллегии, который, встретив его там, отправил «мужа в корпус на две недели – делать разные пробы, куды сам ездил всякий день, но не в назначенное время – иногда поутру, иногда вечером, – то муж и не смел отлучиться» [\[4, с. 74\]](#), после чего Карамышев две недели с ней не разговаривал. В Иркутске Лабзина просит губернатора удержать мужа на целый день у себя, чтобы его племянник, предлагаемый ей в любовники, уехал. Оправдание этому поступку находится в словах губернатора, которому она все потом рассказывает: «Ты не согрешишь, ежели не будешь повиноваться воле мужа твоего в таковых случаях» [\[4, с. 100\]](#).

Также Лабзина, ориентируясь на образ пятнадцатилетней невинной Памелы, пытается представить свою героиню сходным образом. Если невинность тринадцатилетней автогероини, не понимающей, что у Карамышева связь с его племянницей, не вызывает сомнений, то «невинное» обхождение с двумя друзьями впоследствии выглядит несколько двусмысленно. «Два моих друга, один – племянник моих благодетелей, а другой – который дом купил нам, любили меня оба, <...> и сделали мне маленькую оранжерею, <...> словом, они старались мысли мои узнавать, только чтоб я была утешена. Я же по простоте моей не иначе их считала как братьями, – то, когда они приезжали ко мне, я с радостью бросалась к ним, обнимала их, целовала, называла самыми приятными именами, друзьями и утешителями. Они сами меня ласкали и часто, смотря на невинное мое обхождение с ними, плакали. Я же свои ласки не остерегалась им делать при свекрови и муже, когда он бывал дома, потому что они были самые чистые. Я тогда не знала другой любви и была с этой стороны счастлива и спокойна» [\[4, с. 78-79.\]](#). Невинность повзрослевшей героини в плане абсолютной непросвещенности в вопросах пола и соответствующего статусу замужней женщины поведения в этом описании не вполне согласуется с описанными ранее ситуациями выдворения Нартова из супружеской спальни, попыток отвращение мужа от общения с девками, преодоления

влюбленности в племянника Хераскова и предостережений самого Хераскова «ни с каким мужчиной не быть в тесной дружбе» [\[4, с. 48\]](#).

Несовпадения идеального романного образа кроткой и невинной героини с описанными жизненными ситуациями в мемуарах Лабзиной еще в большей степени обнаруживают само существование литературной модели, ее контуры, намеренную заданность и известную долю функциональности. Характерно, что в сохранившихся дневниковых записях за 1818 год [\[5\]](#) Лабзина, описывая события, свое физическое и душевное самочувствие, постоянно обращаясь к Богу, не использует романский дискурс. На наш взгляд, романский дискурс оказывается необходим автору мемуаров для концептуализации собственной личности и биографии. Как отмечает А. Л. Зорин, «во второй половине XVIII столетия производство “публичных образов чувствования” все в большей степени берет на себя литература. <...> Любая значимая составляющая душевной жизни образованного человека была охвачена тем или иным “образцовым” писателем, задававшим модус соответствующего эмоционального переживания и вытекающего из него поведения» [\[2, с. 44\]](#). Только в мемуарах Лабзиной осуществляется попытка соотнести уже прожитые события с литературным образцом.

Неизвестно, почему Лабзина не осуществила свой замысел полностью, хотя до смерти она еще прожила восемнадцать лет. А. Вачева полагает, что «описание “счастливого” настоящего и не входило в ее задачи. Оно противоречило бы агиографическому дискурсу» [\[1, с. 147\]](#). Однако можно предположить, что для мемуаристки брак с Александром Федоровичем Лабзиним и участие в его масонской деятельности мыслились согласно сюжету романа Ричардсона как «награждение добродетели». К тому же в судьбе Памелы и Анны Евдокимовны обнаруживается еще одно сходство: будучи замужем, Памела берет на воспитание внебрачную дочь господина Б. и Салли Годвин, а Лабзина в замужестве берет на воспитание Екатерину Микулину и Софью Мудрову [\[7, с. XVIII-XIX\]](#). На наш взгляд, в мемуарах Лабзиной осуществляется контаминация стилизаций как агиографического дискурса, так и дискурса сентиментального романа. Только с развертыванием повествования жизнь и характер автогероини все больше не укладываются в заданную литературную модель романа Ричардсона, что, возможно, и послужило одной из причин прерывания Лабзиной своих воспоминаний.

Как отмечает В. И. Тюпа, «богатый литературоведческий опыт, будучи экстаполирован на нехудожественные нарративные тексты, открывает перед их исследователями принципиально новые эвристические возможности» [\[12, с. 11\]](#). Анализ нарративного дискурса мемуаров Лабзиной позволяет выявить еще один вектор в процессе беллетризации автобиографического повествования в литературном процессе русской литературы второй половины XVIII – начала XIX века – самоотождествление автора мемуаров с литературным героем и стилизацию романного дискурса – наряду с перенесением структуры сюжетов эпических жанров в мемуарное повествование [\[11\]](#).

Библиография

1. Вачева А. Мемуары Анны Евдокимовны Лабзиной: между житием и нравоучительным трактатом // Аониды. Сборник статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 145-153.
2. Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
3. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994.

4. Лабзина А. Е. Воспоминания А. Е. Лабзиной // Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1914. С. 1-109.
5. Лабзина А. Е. Дневник // Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1914. С. 113-150.
6. Лотман Ю. М. Две женщины // Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. С. 287-313.
7. Модзалевский Б. Л. Предисловие // Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1914. С. VII-XXIV.
8. Приказчикова Е. Е. Уральская масонка – «История жизни одной благородной женщины» А. Е. Лабзиной в контексте традиции русской женской мемуаристики XVIII века // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: АМБ, 2006. С. 190-203.
9. Ричардсон С. Памела, или награжденная добродетель. Аглинская нравоучительная повесть. СПб., 1787.
10. Ричардсон С. Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов, истинная повесть. СПб., 1792.
11. Рошина О. С., Фарафонова О. А. Беллетризация сюжета автобиографии в русской мемуаристике XVIII века // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 113-122.
12. Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021.
13. Тюпа В. И. Дискурс нарративный (нарратив) // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 147-148.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Воображаясь героиней...»: романский дискурс в мемуарах А. Е. Лабзиной, предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению различных видов дискурса и их языковых особенностей, в данном случае авторского биографического дискурса.

В данном исследовании автор обращается к изучению наследия Анны Евдокимовны Лабзиной (1758–1828), которая начинает писать в 1810 году свои мемуары.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: интерпретативный анализ отобранного материала и др.

К сожалению, в работе автор не указывает объем практического материала отобранного для проведения исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что

заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что исследования на иностранных языках по данной и/ или смежной тематике, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Воображаясь героиней...»: романский дискурс в мемуарах А. Е. Лабзиной» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.